

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ

18+

Алексей Горский

Последний рубеж

<https://litres.ru/74522617>

SelfPub; 2026

Аннотация

1945 год. Одер, Зееловские высоты, Берлин. Сержант Иван Рокотов и его отделение проходят последние месяцы войны — не в парадных сводках, а в грязи, крови и огне. Форсирование реки, контратаки, улицы, забитые трупами, подвалы с гражданскими, штурм Рейхстага. Роман без пафоса и героических лозунгов: только пехота, которая делает невозможное и платит за это жизнью, памятью и рассудком. Это история о том, как победа пахнет гарью, как смерть становится работой, а память — единственным, что остаётся после войны. Для всех, кто хочет увидеть войну не в кино, а в окопной правде.

Содержание

Роман о пехоте.1945	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алексей Горский

Последний рубеж

Роман о пехоте.1945

Шестнадцатого апреля сорок пятого года сержант Иван Рокотов проснулся за час до общего подъёма. В окопе было холодно, сыро, и от реки тянуло гнилью. Одер лежал внизу, чёрный и тяжёлый, как смола. Немецкий берег молчал, но это молчание было обманчивым. За рекой стояли Зееловские высоты, и каждый из нас уже знал, что там придёт-ся умирать. Рокотов приподнял плащ-палатку, посмотрел на своих. Костя, молодой, худой, из-под Вологды, спал, поджав ноги. Панкрат, старый солдат с перебитым носом, уже курил, пряча огонёк в кулаке. Пулемётчики проверяли ленты. Сапёры молча чинили понтоны. В траншее стоял запах махорки, пота и мокрой земли. Никто не говорил о Берлине. Все думали об Одере.

В пять утра небо разорвалось. Тысячи орудий ударили одновременно. Земля задрожала так, что с бруствера посыпался песок. Рокотов вжался в стенку окопа, чувствуя, как каска вибрирует на голове. Рёв стоял сплошной, не было отдельных выстрелов, только один гигантский обвал. В стороне от

окопа вспыхнули прожекторы, сто сорок штук, и их белые лучи ударили в немецкий берег, ослепляя всё живое. Пехота пошла вперёд. Рокотов перемахнул через бруствер и побежал к воде. Шинель, винтовка, патроны, гранаты, сапоги, набитые грязью, тянули вниз. Понтон качался на волне. Вода кипела от разрывов. Немецкий пулемёт ударил из темноты, и трассеры понеслись над рекой красными и зелёными светлячками. Костя поскользнулся и ушёл под воду. Рокотов схватил его за воротник, выдернул, толкнул на понтон. «Не отставай!» — рывкнул он. Вода вокруг уже была не чёрной, а бурой. Кто-то кричал, кто-то тонул, кто-то матерился так, что перекрывал артиллерию.

Первый немецкий окоп встретил их грязью, кровью и трупами. Пехота залегла. Кто-то пытался копать, кто-то стрелял, кто-то просто лежал, уткнувшись лицом в землю. Рокотов поднял отделение. Они добежали до траншеи. Там шёл бой вплотную: штыки, приклады, сапоги, крики. Панкрат добил немца лопаткой, Костя ткнул штыком в живот молодому фрицу, а потом его вырвало. Рокотов не помнил, как оказался в траншее. Помнил только запах пороха, пота и свежей крови. В траншее было тесно. Немцы дрались отчаянно, но их было меньше. Кто-то пытался вылезти, кто-то сдавался, кто-то бежал. Рокотов ударил прикладом в лицо, потом штыком, потом сапогом. Рядом Костя добивал раненого. Панкрат перезаряжал ППШ. Пули свистели над головой.

Через десять минут всё стихло. Они стояли в чужой траншее, по колено в грязи и крови. Рокотов приказал закрепить сачок. Солдаты начали разворачиваться, тащить пулемёт, подносить патроны. Немецкая артиллерия уже накрыла берег. Мины рвали воду и землю. Осколки секли бруствер. Рокотов видел, как соседний понтон накрыло прямым попаданием. Тела разбросало, как тряпки. Кто-то остался без рук, кто-то без головы. Санитары бежали по берегу, но многих уже нельзя было спасти.

К полудню они вгрызлись в первый рубеж. Зееловские высоты начинались сразу за рекой. Это были не просто холмы. Это были крепости. Немцы вкопали танки, поставили дзоты, протянули минные поля. Каждый метр земли был пристрелян. Наши танки вязли в раскисшей глине. Т-34-85 скользили, ревели, зарывались в грязь. ИС-2 били из 122-мм орудий, но их тут же ловили фаустники. Один танк загорелся прямо перед окопом Рокотова. Экипаж горел внутри, и оттуда доносился вой, который нельзя было заглушить даже артиллерией. Командир танка пытался вылезти через люк, но его срезала очередь. Горящая фигура упала на бруствер, и запах жареного мяса смешался с запахом солянки. Рокотов отвернулся. Его отделение лежало под пулемётным огнём. MG-42 бил короткими, злыми очередями. Пули свистели над головой, срезали траву, впивались в тела. Рядом стонал раненый: осколок мины разорвал ему живот, и кишки вывалились на

шинель. Санитар пытался затолкать их обратно, но парень уже умирал, глядя в небо мутными глазами. Рокотов заорал: «Встать! Встать, я сказал!» Отделение поднялось. Они добежали до немецкой траншеи, забросали её гранатами. Ф-1, РГ-42, дым, пыль, крики. В траншее началась рукопашная. Рокотов ударил штыком, потом прикладом, потом сапогом в лицо. Немецкий солдат, совсем молодой, с перекошенным ртом, пытался выстрелить из «Штурмгевера», но не успел. Костя добил его. Потом Костя потерял руку — осколок разорвал предплечье. Кровь хлестала, он кричал, звал маму. Рокотов перетянул ему жгут, отправил в тыл. «Живи, Костя. Живи, пацан».

Высоты взяли только к вечеру. Точнее, не взяли, а вползли на них, оставив в грязи сотни тел. Похоронная команда работала всю ночь. Мёртвых складывали штабелями. Живые копали окопы, жгли костры, сушили портянки. Водку выдавали по сто грамм. Рокотов выпил, не почувствовав вкуса. Он смотрел на запад. Там, за лесами и реками, был Берлин. Но до Берлина оставалось ещё много земли, много огня и много смерти. Ночью немцы пошли в контратаку. Их «Пантеры» и «Тигры» вылезли из-за высоты, и их орудия били по нашим позициям. Пехота шла за танками. Рокотов видел, как справа загорелся наш ИС. Снаряд пробил башню, и башню сорвало, как крышку с консервной банки. Внутри всё сгорело. Танкисты, которые успели выпрыгнуть, бежали к око-

пам, но их косили пулемёты. Рокотов приказал подпустить немцев ближе. Когда до траншеи осталось метров пятьдесят, они ударили из всего, что было. Пулемёты, автоматы, винтовки, гранаты. Немцы залегли. Их танки не могли пройти через минное поле. Один «Тигр» подорвался, у него сорвало гусеницу. Экипаж пытался выбраться, но их добили. Контратака захлебнулась. Утром на поле остались десятки трупов. Немецкие и наши. Их не убрали. Некогда было.

Двадцать третьего апреля они вышли к пригородам Берлина. Город горел. Дым стоял такой, что солнце казалось тусклым пятном. На улицах — баррикады из трамваев, мебели, камней и трупов. Немцы дрались за каждый дом. Фаустники прятались в подвалах, на чердаках, за углами. Стоило танку выйти на прямую, как откуда-то вылетала струя огня. Т-34 вспыхивал, как спичечный коробок. Экипаж выпрыгивал, но не всем везло. Рокотов видел, как механик-водитель горел заживо, бежал по брусчатке, кричал, а потом упал. Пехота шла вперёд без танков. Дом за домом. Квартира за квартирой. В ход шли ППШ, гранаты, ножи, лопатки. В подъездах пахло порохом, гарью и смертью. Из-за угла мог выскочить «Гитлерюгенд» с «Панцерфаустом», и тогда всё решали секунды. Рокотов научился стрелять первым. Он не думал о немцах как о людях. Просто цели. Просто угрозы. В одном подвале они нашли гражданских: женщины, дети, старики. Они сидели в темноте, прижавшись друг

к другу. Немецкий солдат, раненый, лежал у стены. Костя бы его пожалел, но Кости уже не было. Рокотов приказал не трогать гражданских. Немца взяли в плен. Потом был чердак, снайпер, долгий бой. Потом — Рейхстаг. Огромное здание, изрешечённое снарядами, всё в дыму и пламени. Пехота 150-й дивизии рвалась внутрь. Лестницы, коридоры, комнаты — всё превратилось в лабиринт смерти. Гранаты летели в каждую дверь. Пулемёты били с балок. Рокотов потерял ещё двоих. Но они шли. Они лезли на крышу. Там, над Берлином, над дымом и кровью, они подняли красное знамя. Кто-то кричал «Победа!», кто-то плакал, кто-то просто сел на край крыши и смотрел вниз. Рокотов не чувствовал радости. Только пустоту и дикую усталость. Он думал о Косте, о Панкрате, о тех, кто остался в Одере и на Зееловских высотах. Он думал о том, что война закончится, а они — нет. Никогда.

А внизу горел Берлин. И это было только начало конца. На улицах ещё шли бои. В подвалах ещё сидели люди. В подземных переходах метро вода поднималась, и там тонули раненые, гражданские, солдаты. Рокотов спустился с крыши. Внутри Рейхстага было темно и дымно. Стены в трещинах, пол в осколках, везде стреляные гильзы, кровь, тела. Немцы ещё сопротивлялись на нижних этажах. Наши добивали их гранатами. Кто-то кричал по-немецки: «Не стреляйте!» — и выходил с поднятыми руками. Молодые, старые,

раненые. Рокотов не испытывал жалости. Он видел слишком много. Он помнил Одер, где вода стала красной. Помнил Зееловские высоты, где земля смешалась с мясом. Помнил Костю без руки. Помнил танкистов, сгоревших заживо. Помнил женщин, которые лежали на дорогах с разорванными животами. Война вошла в него и осталась там навсегда. Он сел на пол, прислонился к стене и закрыл глаза. Кто-то тряс его за плечо, кричал, что надо идти дальше. Он открыл глаза. Впереди был ещё бой. Ещё смерть. Ещё кровь. Но где-то внутри уже стало пусто. Как в выгоревшем танке. Как в разрушенном доме. Как в городе, который перестал быть городом.

Первого мая они хоронили своих. Могилы копали прямо на улицах. Брусчатку взрывали, вытаскивали камни, рыли ямы. Мёртвых заворачивали в плащ-палатки. Кто-то писал на дощечках имена. Кто-то не знал имён. Рокотов стоял над могилой Панкрата. Старик погиб накануне: осколок мины перерезал ему горло. Он умер молча, только посмотрел на Рокотова и закрыл глаза. Рокотов положил ему в могилу кист с махоркой. Потом выпил. Потом пошёл дальше. Война ещё не кончилась. В Берлине оставались очаги сопротивления. В метро, в подвалах, в развалинах. Их выкуривали огнёмётами, забрасывали гранатами, заливали водой. Немцы сдавались тысячами. Но были и те, кто не сдавался. Эсэсовцы, фанатики, дети из «Гитлерюгенда». Они стреляли из-

за угла, из окон, с крыш. Рокотов потерял ещё одного бойца. Молодого, из пополнения. Тот не успел даже выстрелить. Пуля попала ему в лицо. Он упал, и его глаза остались открытыми. Рокотов закрыл их рукой. Потом приказал зачистить квартал. Они зачистили. Дом за домом. Квартира за квартирой. В одной квартире они нашли немецкую семью. Мужчина, женщина, двое детей. Мужчина был в форме фольксштурма. Он бросил оружие. Женщина плакала. Дети смотрели молча. Рокотов приказал не трогать. Их отправили в тыл. Он не знал, что с ними будет. Ему было всё равно. Война выела всё.

Второго мая Берлин капитулировал. Гарнизон сдался. На улицах стало тихо. Только горели дома, и дым поднимался к небу. Рокотов сидел на брусчатке возле Рейхстага. Рядом стояли его солдаты. Их осталось немного. Из отделения — пятеро. Костя в госпитале, без руки. Панкрат убит. Остальные — кто где. Рокотов смотрел на небо. Оно было серым от дыма. Где-то играла гармонь. Кто-то пел. Кто-то плакал. Кто-то уже напился. Рокотов не чувствовал ничего. Он думал о том, что надо написать письмо матери Кости. Потом письмо матери Панкрата. Потом ещё десятки писем. Он не знал, что писать. Он знал только одно: он выжил. Но это было не победа. Это было просто ещё одно утро. И где-то внутри него всё ещё шёл бой. Он никогда не закончится.

Потом были дни, которые он помнил плохо. Их кормили, поили, строили. Берлин был разбит. Улицы завалены обломками. Везде валялись трупы. Немцы убирали их сами. Наши стояли в оцеплении. Рокотов ходил по городу и смотрел. Он видел женщин, которые рылись в мусоре. Видел детей, которые просили хлеб. Видел стариков, которые сидели на развалинах и молчали. Он не испытывал жалости. Но и ненависти тоже не было. Была пустота. Однажды он зашёл в разбитый дом. В комнате стояло пианино. Оно было целое. Рокотов открыл крышку, нажал на клавишу. Звук был тихий, глухой. Он постоял немного и ушёл. Больше он туда не возвращался. В мае они хоронили последних. В июне начали отправлять домой. Рокотов не спешил. Ему было некуда спешить. Дом его сгорел. Мать умерла в сорок втором. Невеста вышла замуж за другого. Он остался один. Война забрала всё. И когда он наконец поехал домой, в пустой вагон, он смотрел в окно и видел поля, леса, деревни. Всё было тихо. Но в ушах всё ещё стоял грохот орудий. Он знал, что это не пройдёт. Никогда.

Память возвращала его обратно. Поезд шёл на восток, за окном тянулись поля, леса, разбитые станции, но Рокотов видел не их. Он видел Берлин. Тот Берлин, который они брали в конце апреля, когда город уже был мёртв, но ещё дрался. Он видел улицы, заваленные кирпичом и железом. Видел трамвайные рельсы, скрученные взрывами. Видел дома без стен, где на обоях ещё висели картины, а на столах стояла

посула. Видел подвалы, набитые людьми. Видел метро, куда немцы загнали воду, и где тонули раненые. Он видел всё это, и оно не отпускало.

Двадцать четвёртого апреля их полк вошёл в пригород Берлина. Названия улиц здесь были чужие, длинные, с шипящими звуками. Дома стояли плотно, фасады серые, окна узкие. На перекрёстках — баррикады. Немцы строили их из всего, что попадалось под руку: трамвайные вагоны, мебель, мешки с песком, книги, трупы. Они вкопали в землю танки, поставили пулемёты в окнах, на чердаках, в подвалах. Каждый дом нужно было брать отдельно. Каждый подъезд. Каждую лестницу. Рокотов шёл впереди своего отделения. Их осталось десять человек. Костя был в госпитале. Панкрат погиб. Остальные — кто ранен, кто убит, кто просто исчез в огне. Рокотов не считал. Он просто шёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.